

К. А. Руденко

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ЮВЕЛИРНЫЕ УКРАШЕНИЯ ПОВОЛЖЬЯ И ЗАУРАЛЬЯ: НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Изучение выразительных и своеобразных произведений средневекового ювелирного искусства Волго-Камья и Зауралья ведется не одно десятилетие. В основном учеными исследовались изделия из серебра X–XIII вв. Представление о золотых украшениях времен Волжской Булгарии (X — начало XIII в.) первоначально формировалось под влиянием одного типа изделия — филигранных золотых трехбусинных височных подвесок с фигуркой птицы, впервые ставших доступными научной общественности в последней трети XIX в. В 1880-х гг. А. Ф. Лихачевым был опубликован клад (ныне утраченный), в составе которого были золотой плетеный браслет и несколько перстней со вставками из сердолика, причем по форме и способу изготовления они были аналогичны болгарским украшениям из серебра. В случае же с височными подвесками таких параллелей не было.

Несмотря на частое упоминание золотых болгарских изделий в различных изданиях на протяжении более 150 лет, в целом их детального изучения не проводилось. Как правило, они включались в археологические типологические схемы или рассматривались с искусствоведческих позиций, но их подробно описания, за исключением статей А. А. Спицына и Т. А. Хлебниковой,¹ сделано не было. Расплывчатой оставалась и датировка находок. Как правило, их относили к X–XIII вв., чаще — к XI–XII вв. Такая ситуация вполне объяснима, поскольку в большинстве случаев это были случайные находки и клады и лишь в одном случае фрагмент золотого украшения был зафиксирован (при раскопках в Биляре) в переотложенном виде.² Один клад золотых и

серебряных украшений был найден в раскопе.³ Раскопчный материал подтверждал наибольшую вероятность датировки золотых ювелирных украшений концом XI — началом XIII в.

Значительно больше издано специальных публикаций по болгарскому серебру. Статьи, в которых анализируются материалы болгарских кладов и предметы из музейных коллекций, опубликованы А. М. Ефимовой, О. С. Хованской и Г. Ф. Поляковой,⁴ отдельные сюжеты о найденных в Булгаре серебряных древнерусских украшениях имеются в монографиях Т. И. Макаровой и М. Д. Полубояриновой.⁵ Булгарским ювелирным серебряным изделиям из коллекций музеев Татарстана посвящен ряд статей К. А. Руденко.⁶ Технологические особенности изготовления серебряных изделий домонгольского времени из Волжской Булгарии рассматривались в работах Н. В. Жилиной⁷ и С. С. Рябцевой.⁸

Более того, с 1980-х гг. болгарское ювелирное искусство стало изучаться и по материалам выявленным вне территории болгарского государства — в основном в Прикамье, на Урале и в Зауралье (включая Приобье). На основе анализа серебряных изделий Зауралья Н. В. Федоровой были выделены болгарские школы сереброределия X–XIV вв. Б. И. Маршак атрибутировал ряд предметов торевтики (преимущественно парадную посуду), найденных на Урале и в Зауралье, как изделия болгарских

¹ Спицын А. А. Из коллекции Императорского Эрмитажа // Зап. отд-ния рус. и слав. археол. Импер. Рус. археол. об-ва. Пг., 1906. Т. 8, вып. 1. С. 264–270; Хлебникова Т. А. Еще одна находка болгарских ювелирных изделий // СА. 1963. № 1. С. 305–309.

² Шарифуллин Р. Ф. Исследования IV Билярского могильника в 1979 г. // Археологические памятники Нижнего Прикамья. Казань, 1984. С. 81, рис. 6.

³ См.: Кавеев М. М. Клад ювелирных изделий с Кожаевско-го IV селища // Археологические памятники зоны водохранилищ Волго-Камского каскада. Казань, 1992. С. 105–109.

⁴ Ефимова А. М. Бутаевский клад ювелирных изделий волжских болгар // СА. 1960. № 3. С. 195–202; Хованская О. С. Нагрудное украшение из болгарского города Джукетау // СА. 1958. № 1. С. 239–243; Полякова Г. Ф. Балыкульский клад болгарских украшений домонгольского времени // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М., 1971. С. 244–249.

⁵ Макарова Т. И. Черное дело Древней Руси. М., 1986. С. 109, 110, 151; Полубояринова М. Д. Русь и Волжская Болгария в X–XV вв. М., 1993. С. 24–26.

⁶ Руденко К. А. Перстни с чернью из Волжской Булгарии // РА. 2007. № 2. С. 130–140; Он же. Булгарское золото: филигранные височные подвески. Древности Биляра. Казань, 2011. Т. 1. 256 с.

⁷ Жилина Н. В., Макарова Т. И. Древнерусский драгоценный убор — сплав влияний и традиций. IX–XIII вв.: Художественные стили и ремесленные школы. М., 2008. С. 124.

⁸ Рябцева С. С. Древнерусский ювелирный убор. Основные тенденции формирования. СПб., 2005. С. 210–273.

Руденко Константин Александрович — д.и.н., профессор кафедры музееведения и искусствоведения Казанского государственного университета культуры и искусств (г. Казань)
E-mail: murziha@mail.ru

мастеров.⁹ Также болгарскими, по мнению А. М. Белавина, являются ювелирные серебряные изделия из Предуралья, опубликованные им в монографии по Камскому торговому пути.¹⁰ Близкой точки зрения на происхождение украшений, изготовленных с использованием скани, зерни и золочения, найденных в бассейне Выми и Чепцы, придерживаются А. Г. Иванов и Э. А. Савельева.¹¹

Наиболее проблемными остаются вопросы датировки и атрибуции этих изделий. Все ли серебряные украшения X–XV вв. в скано-зерновой технике, выявленные в Прикамье, на Урале и в Зауралье, являются продукцией болгарских ремесленников? Каковы основания этой атрибуции? Как они датируются? Не менее важен и другой вопрос: была ли генетическая связь между болгарской и ордынской ювелирными традициями? Более того, многие шедевры ювелирного производства эпохи Золотой Орды до сих пор имеют спорную атрибуцию (например, так называемая «Шапка Мономаха»),¹² что осложняет проведение сравнительного анализа. В этой связи отметим, что ассортимент золото-ордынских золотых скано-зерновых изделий значительно отличается от болгарских домонгольских украшений как по форме, так и по конструктивным особенностям. Более того, трехбусинные височные кольца из золота и аналогичные им из серебра в эпоху Золотой Орды в болгарской области не изготавливались. В целом, несмотря на ряд спорных моментов,¹³ можно считать, что болгарские серебряные изделия достаточно подробно изучены, что позволяет использовать их для анализа и сравнений.

Золотых болгарских украшений сохранилось мало, и, скорее всего, изготавливали их в ограниченном количестве (вне зависимости от того, были ли они местного производства или завозились из других мест). Сведения о тех из них, которые попали в частные собрания и музеи и были опубликованы, противоречивы.

Нередко в публикациях делались ошибки, касающиеся места хранения, шифров и т. п., которые переходили из издания в издание, «умножая» тем самым количество находок и т. д. Причина этого заключалась в отсутствии полной сводки или каталога таких изделий.

Таким образом, чтобы разобраться в материале, исправить имеющиеся неточности и просто получить возможность проводить исследования далее, необходимо было опубликовать находки, раскиданные по разным музеям и собраниям, в виде каталога с подробным описанием, что было осуществлено только в начале второго десятилетия XXI в.¹⁴ Помимо этого, были и другие вопросы, требовавшие своего решения. Это касалось прежде всего выяснения места производства, датировки, технологических особенностей изготовления золотых болгарских украшений.

Большая часть золотых болгарских изделий XI–XII вв. сосредоточена на Средней Волге — на территории средневекового болгарского государства. Только в единичных случаях они встречаются за его пределами. Собственных месторождений золота в регионе нет, что, безусловно, ограничивало возможности производства здесь таких предметов в средневековую эпоху. Золото было привозное, но чаще всего импортировались готовые изделия. Поэтому вопрос о том, где, кем и когда изготавливались золотые украшения, найденные на Средней Волге и в Предуралье, является весьма актуальным. В этой связи особую проблему составляет выяснение истоков болгарской зерни и скани и предпосылок их развития в Волжской Булгарии. Учитывая достаточно длительный период обитания предков волжских болгар по соседству с крупнейшим производителем ювелирных изделий — Византией, важно было выяснить, могли ли болгары освоить приемы этих техник до миграции на Волгу и использовать их на новом месте уже по традиции. Эта тема затрагивалась в литературе в связи с гипотезами о происхождении болгарской зерни, хотя и без особой аргументации.

Исследование болгарских филигранных золотых изделий¹⁵ показало, что искать непосредственную преемственную связь их с золотыми ювелирными изделиями отдаленных эпох и даже с древностями приазовских болгар — прямых предшественников волжских болгар — ма-

⁹ Маршак Б. И. Серебряные сосуды X–XI вв., их значение для периодизации искусства Ирана и Средней Азии // Искусство и археология Ирана. М., 1976. Т. II. С. 148–173.

¹⁰ Белавин А. М. Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. Пермь, 2000.

¹¹ См.: Руденко К. А. Волжская Булгария в XI— начале XIII в. С. 91, 92.

¹² См.: Жилина Н. В. «Шапка Мономаха»: Историко-культурное и технологическое исследование. М., 2001.

¹³ См.: Руденко К. А. Болгарские ювелирные украшения XI–XIV вв.: проблемы идентификации и датировки // Междунар. (XVI Урал.) археол. совещ.: материалы междунар. конф. 6–10 октября 2003 г. Пермь, 2003. С. 171, 172.

¹⁴ См.: Он же. Болгарское золото...

¹⁵ Там же.

лоперспективно, а порой и бессмысленно (как, например, в случае с древностями скифо-сарматского круга). Безусловно, конструктивные элементы этих украшений имеют прототипы в изделиях предшествующего времени, но это не значит, что они непосредственно продолжают древние традиции в рассматриваемом конкретном изделии. Тем не менее, поиск аналогий в материалах более раннего периода дает возможность определить функциональное назначение некоторых конструктивных особенностей болгарских изделий (например, «косички» на фигурке филигранной птицы).

Идея золотых филигранных украшений, их композиция и оформление были заимствованы болгарским ремеслом из иной культуры (скорее всего, из иранской или сиро-египетской), но приобрели на местной почве свой собственный облик, особенно в деталях (например, таких, как развернутые подвески на цепочках). Этот первичный импульс относится к XI в., а развитие самих украшений происходило в XII в., завершившись к концу этого столетия: после монгольского нашествия такие предметы уже не производились.

Таким образом, золотые болгарские украшения не были результатом эволюционного развития местных традиций изготовления серебряных изделий. Скорее, появившись здесь, они стали образцами для подражаний в серебре. Сама по себе идея височного украшения с напускными бусинами универсальна, поэтому этот признак не может быть единственным основанием для поиска генетического родства золотых и серебряных болгарских украшений. Бросается в глаза, что у болгарских изделий количество напускных бусин не превышает трех, тогда как на Урале и в Зауралье чаще всего количество бусин больше или она только одна. По этому признаку болгарские золотые, серебряные и бронзовые украшения имеют сходство и, безусловно, родственны. Вопрос только в том, когда, на каком этапе развития болгарского ювелирного дела это родство возникло.

К этому стоит добавить и трактовку зооморфных образов на ювелирных изделиях, в частности птиц. Наделять их конкретной этнической сутью ошибочно: это универсальный сюжет, который был востребован синкретичной культурой волжских болгар XI–XII вв. и соседними народами, в том числе обитавшими на Урале и в Зауралье.¹⁶ В отличие от А. М. Белави-

на, полагавшего, что они «возникли под влиянием угорского мировоззрения»,¹⁷ мы считаем, что не менее убедительна будет их трактовка, например, в контексте исламской культуры или индоевропейских мифов о сотворении мира.

При сравнении болгарских серебряных и золотых украшений, становится ясно, что их линии развития имеют разные корни, т. е. представляют собой своеобразный сплав различных культурных традиций.

Об экономических и культурных контактах средневекового населения Поволжья и Западной Сибири сказано достаточно много. Однако традиционное представление о характере этих связей, сложившееся преимущественно на материале находок в Сибири, привело к тому, что «образовался» целый пласт изделий, которые приписываются болгарским ювелирам. Сравнительный анализ позволяет несколько иначе взглянуть на происхождение этих изделий. Кроме того, требует уточнения и механизм товарообмена.

В болгарской ювелирной продукции выделяются изделия с чернью и плетеные из нескольких проволок украшения, выполненные в скано-зерновой технике и штамповкой. По назначению эти изделия могли быть частью костюмно-обрядового ансамбля, элементом ритуально-промыслового комплекта (например, защитные пластины на запястье), а также декоративными деталями бытовых предметов: ларцов, сундучков и т. п.

К болгарским черненым изделиям относят также ряд категорий изделий из Предуралья и Зауралья (перстни, защитные пластины лучника, бляхи — медальоны с сюжетными композициями). Изучение этих предметов позволяет сделать два предположения: либо болгары экспортировали продукцию, которая никак не была связана с собственным «домашним» производством и «модой», либо не весь комплекс, считающийся болгарским, является таковым на самом деле. Стоит сказать, что в собственно болгарских древностях таких артефактов практически нет (за исключением перстней, правда

нем Прикамье в эпоху средневековья (по данным археологии) // Угры: материалы VI Сиб. симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (9–11 декабря 2003 г., г. Тобольск). Тобольск, 2003. С. 139.

¹⁷ Белавин А. М., Крыласова Н. Б. Болгарские эсегелы (об этнической принадлежности Пермского средневековья) // Урало-Поволжье в древности и средневековье: материалы междунауч. конф. V Халиковские чтения, посвящ. 80-летию со дня рождения А. Х. Халикова (27–30 мая 2009 г., Казань). Археология Евразийских степей. Казань, 2011. Вып. 11. С. 27.

¹⁶ См.: Руденко К. А. Особенности угорской культуры в Ниж-

отличающихся от находок из Зауралья и Предкамья). Костяные защитные пластины лучника XII–XIV вв. известны в Болгарии. Происходят они с Билярского и Болгарского городищ, но это, скорее всего, заимствование из Прикамья. В металле такие болгарские изделия не известны. Сюжеты изображений на серебряных щитках из Приобья требуют специального анализа и трактоваться как исключительно болгарские не могут. Это же относится к медальонам с «охотничьими сценами». Однозначное определение их как связанных с образами угорской мифологии является односторонним. Аналогичное композиционное и сюжетное решение встречается в иконографии популярного в европейском средневековье сюжета из жизнеописания Александра Македонского, а также в исламском искусстве XI–XII вв.

В целом, зауральский комплекс серебряных украшений сложен для анализа с точки зрения выявления болгарского импорта. Не имеют аналогий в болгарских материалах серебряные серьги в виде «змейки», пластинчатые браслеты с раскованными концами, украшения в виде «рыбки» и т. п. Отнесение данных изделий к болгарскому производству основывается на использовании здесь зерни и скани, что, по мнению ряда исследователей, было недоступно в условиях государственной цивилизации неорганизованному ремесленнику. Интересно, что характерные украшения болгар — височные кольца с напускными бусинами, украшенные скаными поясами и зернью — в точно таком виде не встречаются в Зауралье. Конечно, есть и полные аналогии, но они единичны. Вполне вероятно, что некоторые серебряные изделия попадали в Зауралье из стран Востока минуя Волжскую Болгарию.

Очень важен и хронологический момент. Неверная датировка болгарских ювелирных изделий приводит и к сомнительным выводам. Например, золотые височные подвески с птицей рассматриваются рядом исследователей как археологические свидетельства «династического брака князя эсегел с дочерью болгарского царя».¹⁸ Сообщение же Ибн Фадлана об этом относится к первой четверти X в., а его «археологическое свидетельство» — к XII в., т. е. во время упоминаемого события эти украшения еще не были изготовлены.

Считается, что болгарский импорт в Зауралье был особенно велик в золотоордынскую

эпоху. Но здесь нужно учесть, что Волжская Болгария после монгольского нашествия прекратила свое существование как самостоятельное государство и в золотоордынскую эпоху, лишенная суверенитета, претерпела серьезные изменения в экономическом и культурном отношении. Поэтому осуществлять массовый импорт ювелирного серебра в Зауралье в XIII–XV вв. болгаро-золотоордынские ремесленники не могли.

Во второй половине XIII в., после разгрома болгарских городов, разрушения инфраструктуры и сложившихся ранее торгово-экономических связей, на территории бывшего болгарского государства стали формироваться новые культурные традиции. Это изменило практически полностью и ассортимент выпускавшейся болгарской ювелирной продукции из драгоценных металлов: по крайней мере, традиционные для домонгольского времени изделия перестали изготавливаться на болгарской территории и постепенно вышли из употребления. Во второй половине XIV в. начинается стагнация крупнейших городов болгарской области Золотой Орды (Булгара, Джукетау и др.), где такое производство могло иметь место. Известные в Зауралье и в Прикамье ювелирные серебряные изделия соответствия в болгаро-ордынском материале не имеют.

Таким образом, можно предполагать существование в XII–XV вв., кроме болгарского, и других центров производства и распространения серебряных ювелирных изделий в Прикамье и Зауралье. Время их формирования и развития еще предстоит установить, но, скорее всего, они сложились если и не одновременно с болгарским, то с небольшим отрывом во времени и автономно продолжили свое развитие в золотоордынскую эпоху. Не исключено, что дополнительным стимулом развития самостоятельных ювелирных центров был торговый и культурный путь, связавший средневековые государства Сибири и Поволжья в XI–XII вв. Ответвления этого пути в Приобье были источником независимого от болгар поступления в Сибирь художественного металла и одновременно изделий мусульманско-тюркского стиля. Следы их можно найти в художественном оформлении ряда ювелирных болгарских предметов, а также в распространении аскизских изделий и их подражаний в Волго-Камье.¹⁹

¹⁹ Руденко К. А. Тюркский мир и Волго-Камье в XI–XIV вв. Изделия аскизского круга в Среднем Поволжье: исслед. и кат. Казань, 2001.

¹⁸ Там же. С. 29, 30.

Ключевые слова: *средневековая филигрань, скань, золотые и серебряные украшения, Волжская Булгария, Булгар, торговля*

Konstantin A. Rudenko

Doctor of Historical Sciences, Kazan State University of Culture and the Arts (Russia, Kazan)
E-mail: *murziha@mail.ru*

MIDDLE AGE JEWELLERY OF THE VOLGA REGION AND THE TRANS-URAL:
SOME CONCLUSIONS AND PROSPECTS FOR FURTHER STUDIES

The article deals with the study of gold and silver jewellery of the 10th–14th centuries found during the excavations in the Volga — Ural region. It is believed that most of these decorations were made in the Volga Bulgaria. Analysis of the Bulgarian jewellery demonstrated its significant difference from the decorations found in other places. Moreover, the Bulgarian gold and silver decorations followed different development patterns. It was claimed that the Bulgarian gold jewellery was not a result of the evolutionary development of the local traditions of making silver decorations. The idea of such decorations was brought to the area from the East, however they acquired their final form already on the Volga. The diversity of jewellery found in the Trans Ural region makes it possible to presume the existence of several jewellery centres: one in the Volga Bulgaria, and others on the Kama and in the Trans Ural area.

Key words: *medieval filigree, gold and silver ornaments, Volga Bulgar, Bulgars, trade*

REFERENCES FOR CITATION DATABASE

- Belavin A. M. Perm: izd-vo Perm. gos. ped. un-ta, 2000, 200 p. (in Russ.).
- Belavin A. M., Krylasova N. B. *Uralo-Povolzhe v drevnosti i srednevekove: materialy mezhdunar. nauch. konf* (Uralo-Volga region in the ancient time and Middle Ages: materials of the international scientific conference). Kazan: OOO «Foliant»; Institut istorii im. Sh. Mardzhani, 2011, p. 27. (in Russ.).
- Kaveev M. M. *Arkheologicheskie pamyatniki zony vodokhranilishch Volgo-Kamskogo kaskada: sb. nauch. tr.* (Archaeological monuments zone of reservoirs of the Volga-Kama cascade: collected papers). Kazan: Ros. AN, Kazan. nauch. tsentr, IyaLI, 1992, pp. 105–109. (in Russ.).
- Khlebnikova T. A. *Sovetskaya arkheologiya* (Soviet archaeology), 1963, № 1, pp. 305–309. (in Russ.).
- Khovanskaya O. S. *Sovetskaya arkheologiya* (Soviet archaeology), 1958, № 1, pp. 239–243. (in Russ.).
- Makarova T. I. Moscow: Nauka, 1986, 156 p. (in Russ.).
- Marshak B. I. *Iskusstvo i arkheologiya Irana: sb. nauch. tr.* (Iranian Art and Archaeology: collected papers). Moscow: Nauka, Vol. 2, 1976, pp. 148–173. (in Russ.).
- Poluboyarinova M. D. Moscow: Nauka, 1993, 119 p. (in Russ.).
- Polyakova G. F. *Istoriya i kultura Vostochnoy Yevropy po arkheologicheskim dannym: sb. nauch. tr.* (History and culture of Eastern Europe, according to archaeological data: collected papers). Moscow, 1971, pp. 244–249. (in Russ.).
- Rudenko K. A. Kazan: Zaman, 2001, 256 p. (in Russ.).
- Rudenko K. A. Kazan: Zaman, 2011, 256 p. (in Russ.).
- Rudenko K. A. *Mezhdunarodnoe (XVI Uralskoe) arkheologicheskoe soveshchanie: materialy mezhdunarodnoy konferentsii* (International (XVI Ural) Archaeological Meeting of the International Conference). Perm, 2003, pp. 171–172. (in Russ.).
- Rudenko K. A. *Rossiyskaya arkheologiya* (Russian archaeology), 2007, № 2, pp. 130–140. (in Russ.).
- Rudenko K. A. *Ugry: materialy VI Sibirskogo simpoziuma “Kulturnoe nasledie narodov Zapadnoy Sibiri”* (Ugra: Proceedings of VI Siberian symposium “Cultural heritage of the peoples of Western Siberia”). Tobolsk, 2003, pp. 138–142. (in Russ.).
- Ryabtseva S. S. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2005, 384 p. (in Russ.).

Sharifullin R. F. *Arkheologicheskie pamyatniki Nizhnego Prikamya: sb. nauch. tr.* (Archaeological sites of the Lower Kama: collected papers). Kazan, 1984. (in Russ.).

Spitsyn A. A. *Zapiski otdeleniya russkoy i slavyanskoy arkheologii Imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obshchestva: sb. nauch. tr.* (Notes branch of Russian and Slavic archeology of the Imperial Russian archaeological society: collected papers). Petrograd, 1906. Vol. 8, Issue 1, pp. 264–270. (in Russ.).

Yefimova A. M. *Sovetskaya arkheologiya* (Soviet archeology), 1960, № 3, pp. 195–202. (in Russ.).

Zhilina N. V. Moscow: Nauka, 2001, 247 p. (in Russ.).

Zhilina N. V., Makarova T. I. Moscow: Institut arkheologii RAN, 2008, 296 p. (in Russ.).